

античный этос (от которого и образован Аристотелем термин *этика*) задолго до того, как обрести классический смысл, означал логово зверя, птичье гнездо, затем — дом, местопребывание, совместное жилище, и только впоследствии — обычай, темперамент, характер, нрав.

Русский аналог этоса — *нрав* — имеет иную этимологию, но черты сходства очевидны. «Что ни город, то норы». «Всякому городу — нрав и права, всякий имеет свой ум-голова» (Григорий Сковорода). Это справедливо и по отношению к Тюмени. Тюмень — город норовистый, нравный... Почти любимый.

* * *

Тюмень, не оформленная как город дискурсивно, для обретения цельности нуждается в карте. С некоторой претензией на каламбур можно сказать, что он поставлен на карту. Город и вправду похож на каламбур, но не игрой слов, а игрой пространства. Пространства географического, устанавливающего границы городской территории силой условного описания. В этом пространстве нет границ, которые можно назвать естественными. Вернее, они есть, но город почему-то продолжается сквозь них и останавливается там, где может продолжаться. Пространство города не связно и не однородно.

Но главное — другое. О городской культуре Тюмени трудно судить по карте достопримечательностей, учреждений культуры и ее неформальных центров. Культурный ландшафт Тюмени — это атлас ее нравов. Еще недавно своим особым нравом обладал не только каждый микрорайон, но и почти каждый соединяющий их маршрут городского транспорта. Культурная жизнь города в своей повседневности неспособна противостоять этому потоку нравов. Границы нравов определяют своеобразные линии сегрегации целых микрорайонов. Одновременно в центре идет искусственное возведение мощных заборов и заслонов — видимых и невидимых. Тюмень становится большим городом, пропустив стадию города среднего. Возможность формирования элементов городского самосознания, вполне реальная в середине 80-х годов, видимо, была упущена.

Конечно, городские праздники и другие популярные массовые мероприятия силой совокупного эмоционального всплеска год за годом мало-помалу восполняют это упущение. Многие могут сделать городские СМИ, хотя подражательность их речевых практик, неадекватность текстов свидетельствуют о том, что даже журналисты, родившиеся в новой Тюмени, почему-то говорят и пишут по-старому, а скорее всего по-старому мыслят. И, возвращаясь к началу этих заметок, правомерно задаться вопросом: готовы ли те, кто сегодня пишет и говорит о Тюмени, взяться за работу, с которой не справились их предшественники, способны ли они создать текст, в котором мы по-новому увидим себя и свой любимый город.

Виктор Валентинович Костецкий

ПРОБЛЕМА ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ ТЮМЕНИ

По административным меркам существуют различные статусы городов: районный центр, окружной центр и пр. С точки зрения культурологии, имеет смысл оппозиция «столица—провинция».

Кто-то из мыслителей прошлого века обронил фразу: в России всегда были культурные люди, но никогда не было культурного слоя. Это высказывание, отнесенное к столице, еще может быть оспорено, но в отношении провинции оно удивительно справедливо. Тюмень — одна из российских провинций. В Тюмен-

Ю. Д. Юдин.
«Из детства. Мальчик и змей». 1982

ском регионе, как известно, «греческого чуда» никогда не происходило и «золотая лихорадка» газонефтедобычи не породила «золотого века Перикла». Надо признаться, что Тюмень так и осталась городом провинциальных вузов, провинциальной науки и провинциальной культуры.

В Тюмени, безусловно, есть классные специалисты. Но они живут и работают в пространстве своего ведомства, с центром в столице (или в платоновской гиперурании), а в Тюмени они только проживают. Тюменский интеллигент вынужденно живет в двух мирах: в мире своей профессии и в мире тюменских дорог, панельных многоэтажек, грязных подъездов и безликой архитектуры. С возрастом жизнь на два дома утомляет, и интеллигент делает выбор в пользу одного из миров.

В первом случае получается одержимый романтик, который при отсутствии приличной публики становится или шутом, или изгоем (вспомним «Горе от ума» Грибоедова), во втором случае появляется скучная фигура смиренного провинциала, неспособного ни на какое творчество. Ученые степени и почетные звания «заслуженного работника» с соответствующими должностями создают среди массы смиренных провинциалов видимость «интеллектуального потенциала» города. Серая масса провинциальных интеллектуалов успешно обслуживает городское хозяйство, но не более того.

В настоящее время политическая ситуация диктует Тюмени свои условия: либо стать своего рода столицей, стольным (престольным) городом, либо окончательно раствориться в собственной провинциальности. Последнее много вероятнее первого. Это связано с тем, что, во-первых, Москва явно держит курс на монополизацию всей России (по типу древнего Рима). То есть идет тотальное возвышение Москвы над всеми городами и весями страны. Не исключено, что в скором времени под Россией будет пониматься Москва со своими провинциями, включая и Тюменский регион. Во-вторых, и Тюмень не держится за своих

интеллектуалов. Для этого нет ни специальных фондов, ни особой политики со стороны областной администрации. «Утечка мозгов» идет и в Москву, и на Север. Оставшаяся масса серых провинциальных интеллектуалов тихо срастается с администрацией органов власти для обоюдного повышения «качества жизни».

В пространстве культурных координат, во-первых, Тюмень есть провинция Москвы, во-вторых, Тюмень не есть провинция Москвы, а есть самобытная земля Западной Сибири. Интеллектуальный потенциал Тюмени в равной мере определяется обеими координатами. Москва дает образование и чин, Сибирь дает характер и, говоря словами Л. Н. Гумилева, пассионарность. В Тюменском регионе рождается много талантов, но и гибнет немногим меньше. В этом смысле интеллектуальный потенциал Тюмени динамичнее московского. Творческая личность в Тюмени более одинока и более никчемна, чем в столице. Если в столице есть прослойка придворных ученых, писателей, художников, то в Тюменской провинции есть место только для творческих дворняг. В лучшем случае они имеют соответствующее специальности место работы, но и это встречается не часто. Самое парадоксальное состоит в том, что в Тюмени два интеллектуальных потенциала: один для нее слишком высок, второй (массовый) слишком низок. Это типичное следствие отсутствия в убого-провинциальном городе своей «публики».

Если наше предположение об усилении Москвой своей «столичности» верно, то верным будет и прогноз о провинциализации всей страны. И если в такой политической ситуации не занимать пассивной позиции, то очевидно, что надо иметь городу (тем более областному центру) свою особую *программу депроvincialизации*. Без наличия подобной программы и ее осуществления интеллектуальный потенциал Тюмени будет принимать все более карикатурный вид, в духе сатиры Салтыкова-Щедрина.

Сергей Васильевич ТУРАЕВ — ведущий современный германист, автор работ по истории немецкой литературы, связанных, прежде всего, с ее классическим периодом, с эпохой Просвещения: «Гете: очерк жизни и творчества» (1957), «Георг Веерт и немецкая литература революции 1848 года» (1963), «Гете и формирование концепции мировой литературы» (1989) и многих других. В пятитомной «Истории немецкой литературы» ему принадлежат основополагающие статьи (том 3), Сергей Васильевич является ответственным редактором V тома «Истории всемирной литературы» 1988), посвященного XVIII веку.

Сергей Васильевич Тураев

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ТЮМЕНЦА

До революции тюменское Заречье было небольшим центром кожевенного производства — десятки кустарей занимались обработкой шкур разных животных. И когда человек спускался с нагорной части города и переходил по наплавному мосту через Туру, на другой стороне его одурманивал пряный запах кожи и обработанной ивовой коры, которая использовалась при дублении кожи. Эта разбитая, как бы размолотая, кора — «отдубина» — применялась для мощения улиц.

Улицы Тюмени утопали в грязи. Но здесь, в Заречье, можно было пройти сухой ногой по мягкому тротуару из «отдубины».